

Сергей Зюзицк

18+

Прочти и забудь про спокойный сон...

18+



**ПОЖИРАТЕЛИ
ЧЕЛОВЕЧИНЫ**

Сергей Зюзин

Пожиратели человечины. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Зюзин С.

Пожиратели человечины. Сборник / С. Зюзин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

...Прочтение книги заставит Вас задрожать от ужаса. Когда «на Ваших глазах», как цыплёнка, освежают вашего лучшего друга, мистический маньяк столкнёт под колёса метро нешуточное множество людей, «слетевший с катушек» из-за непрекращающихся издевательств воспитанник детского дома, получив сверхспособности, начнёт «крошить» обидчиков, молодая преподавательница ВУЗа чуть не окажется съедена заживо жутким, паранормальным туманом, и под конец, в волне ни с того, ни с сего нахлынувших на городок смертей погибнет парочка молодых влюблённых, не почувствовать, как страх в душе уже давно переродился в ужас, значит иметь поистине стальные нервы!

Содержание

Пожиратели человечины	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пожиратели человечины



В произведении все события, равно как и персонажи, и их имена, выдуманы автором. Любые совпадения случайны

*Не всё, что красиво, цветок,
Не всё, что любезно, сердечно.
И волк добычу порой стережёт,
Укрывшись под шкурой овечьей.*

Как томительно порой тянется время! Особенно когда чего-то ждёшь.

В тот день это почувствовалось особенно остро. Хотя раньше уже и приходилось тысячи раз где-нибудь чего-нибудь ждать.

Оно вообще всегда кажется, что именно в этот раз с тобой происходит нечто такое, чего ещё не случалось никогда, а если и случалось, то уж во всяком случае не настолько ярко, или мучительно, или ещё невесть как. Неважно как, главное, что не настолько...

Вот и сейчас время тянулось так, будто издевалось.

Придя домой из школы и «разобравшись» со всем, что было задано на дом, Олег уже не меньше двух часов изнывал от безделья и слонялся по квартире, совершенно не зная, чем себя занять. Он ждал, с нетерпением ждал, когда стрелки часов, наконец, одна за другой «перепрыгнут» через отметку «5», возвестив тем самым о начале наступления вечера, вслед за чем очень скоро придут с работы родители, забрав по пути из садика плаксу и вредину Ксюшку. Придут, сообразят чего-нибудь на ужин, и уж потом... После вечернего приёма пищи наступит, наконец, долгожданное время, когда Олег начнёт собираться на свою обычную вечернюю прогулку с друзьями.

В тот день он ждал этого особенно. Так ждал, что абсолютно ничто ему было не в радость. Не хотелось ни по телеку ничего смотреть, ни по дивидишнику, ни в инете ковыряться... Ему бы лечь, проспать до самого вечера, чтобы время прошло незаметно, но только сна не было ни в одном глазу. Только и оставалось, что околачиваться по квартире, не обращая ни малейшего снимания на таскавшегося за ним по пятам кота Фаса, выглядывать время от времени в окно,

смотря на резвившуюся во дворе их дома мелкоту, да слушать исправно «выдававший» в кармане джинсов музыку сотик, уже давно заряженный в преддверии вечерней прогулки.

Отчего так не терпелось? День вроде был как день. И вечер намечался как вечер. Всё, в общем-то, как всегда. Так с чего же такое нежелание ждать?

Всё да не всё! Этим вечером Олега обещали познакомить с девушкой, которая очень давно ему нравилась. Хоть он и давным-давно знал, как её зовут. Всё это время Олег неизменно мечтал завязать с ней хоть какие-то отношения. И вот, наконец, случай представился сегодняшним вечером.

...Таня была не из их школы. В первый раз наш герой увидел её в «Пеликане»¹, центральном ночном клубе их города, в компании таких же, как она сама, девчонок, отвязно танцевавших в самой середине танцпола, не обращая ни на что вокруг себя абсолютно никакого внимания. Как выяснилось потом, у одной из собравшихся в той компашке девушек был день рождения, продолжать отмечать который они и пришли в самое крутое в их городе танцевальное заведение.

«Такие красивые девушки, и одни? – удивился тогда не только Олег. – Это же, в конце-концов, даже небезопасно!» Впрочем, думая так, он и его друзья не знали о той весёлой девичьей стайке всего. С безопасностью-то как раз у них всё было в полном порядке. Таковую обеспечивали пятеро околачивавшихся в тот вечер неподалёку от входа в заведение отцов некоторых из тех девчонок...

Вспоминая тот, а потом и множество других вечеров, в которые ему тоже доводилось увидеть Татьяну, Олег заулыбался. Сегодня вечером его, в конце-концов, ей представят. Нашёлся, наконец, человечек, который был с ней знаком. Этим человечком оказалась Жекина и Юркина младшая двоюродная сестра Алиса, которая знала её довольно неплохо. Вместе в музыкалке учились. Она-то, после совсем недолгих переговоров с ней Жеки, и согласилась представить их друг другу.

...Братья-близнецы Жека и Юрка были друзьями Олега. При том, что ещё и одноклассниками. И на спортивную секцию одну ходили. И жили друг от друга совсем недалеко. Они были даже немного друг на друга похожи, в смысле Олег был похож на обоих братьев, если не брать во внимание, что те оба были набравшими немного лишнего веса. С самого первого класса, – познакомились они в школе, – эти двойняшки и Олег были не разлей вода. И уж, конечно, они знали обо всех тайнах друг друга. Потому-то и знали Жека и Юрка, что друг их «запал» на девушку из другой школы...

* * *

Мама всегда очень переживала, когда Олег, считай, каждый вечер уходил допоздна куда-то с друзьями гулять. Возвращался-то он домой с каждой такой прогулки уже за полночь, оставляя себе времени на сон, до того, как ему было вставать в школу, всего ничего! И когда наутро он поднимался, хмурый и не выспавшийся, мама всегда «пилила» его за очередное такое позднее возвращение.

– Вчера опять поздно ночью пришёл! Или, точнее будет сказать, сегодня? – ворчала она. – Посмотри мне в глаза и скажи: у тебя совесть есть? Скажи, есть?

Олег в таких случаях всегда только отшучивался. А что ещё он мог? Не сидеть же было ему, в самом деле, в семнадцать лет всё свободное от школы и дзю-до время дома! Мама пусть лучше себя в таком возрасте вспомнит. Или у папы спрашивает, каким он был в таком возрасте. А потом уж ему, собственному сыну, «ума вставляет».

¹ Название ночного клуба – «Пеликан», – вымышлено автором и никак не связано с чем бы то ни было вне его произведений. Любые совпадения случайны (прим. авт.);

Всё время, пока он, умывшись и выйдя из ванной, расчёсывал перед зеркалом свои кудрявые каштановые волосы, мама так и стояла у него «над душой», продолжая свои «нравоучения». Олег уже и не слушал, а она всё продолжала и продолжала. Обычно папа в такие минуты не выдерживал, выглядывал в коридор и, смеясь, приходил сыну на выручку.

– Оля! – говорил он маме в таких случаях. – Твой сын уже взрослый парень! А ты с ним всё, как с маленьким. Смотри, плешь ему проешь, и замуж за плешивого никто не пойдёт.

Олег в таких случаях всегда с гордостью смотрел на свою густую шевелюру и мысленно сплёвывал через левое плечо. Не накаркал бы папик! Расстаться с такой «причей», как он сам называл свою макушку, было бы настоящей катастрофой. Ещё бы! Ему уже не раз приходилось слышать от друзей, – и от парней, и от девчат, – что к его карим глазам каштановые волосы подходят настолько идеально, что ему впору в модели идти. Хотя он и сам это знал, слышать такое ему всегда было приятно...

Уходя из дома, он – уже в который раз! – был вынужден почти что клятвенно пообещать маме, что не будет нигде задерживаться, и самое позднее в одиннадцать окажется дома, «как штык». Пообещал, хотя и прекрасно понимал, что обещания не сдержит.

Закончив договариваться с родителями, вскоре он уже выскочил на улицу, где его к тому времени уже поджидали верные Жека и Юрка, зашедшие за ним по пути в «Пеликан». В последнем в тот день, вернее сказать, вечер, намечалась нехиленькая заварушка. То есть отпадная вечеринка. Или, ещё проще сказать, развесёлый вечер отдыха.

* * *

Из-за того, что была пятница, и назавтра в школу было не идти, народу в тот вечер в «Пеликане» собралось прилично. Как это, впрочем, по пятницам там бывало всегда. Влившись, как обычно по таким вечерам, в компанию парней и девчонок, в котором они были своими, Жека и Юрка очень быстро стали там себя чувствовать, как нельзя лучше, и только Олег, с самых первых минут держа в поле зрения пришедшую туда не с ними Алиску, – сестрёнку братьев-близнецов, – то и дело оглядывался по сторонам, ища взглядом девушку своей мечты, чтобы не медлить лишнего, когда та появится в зале.

Оглушающе гремела музыка, с каждой минутой всё больше и больше распалая толпу собравшегося в ночном клубе народа. Она действовала на молодых людей, как наркотик. Её хотелось ещё больше и ещё громче. Хотя как могло быть ещё больше, да и ещё громче, никто из собравшихся не знал. «Заводились» и Жека с Юркой, и даже Олег, упиваясь льющимся им на головы из динамиков громом гитарного воя, перезвона синтезаторов и грохота ударников их любимых музыкальных групп. Хотя для Олега всё это и было совершенно не то, на что он в тот вечер настроился. Мечтал-то он тогда, буквально грезил, совершенно о другом! На то же, что его мечты сегодня исполняться, было совершенно не похоже. На танцполе оставив за дверями главного входа в клуб «дежуривших» с ними в тот вечер папаш, уже давно собралась стайка девчат, в которой обычно танцевала Татьяна, и последней там, увы, не было.

– Джендос! – стараясь перекричать музыку, проорал Жеке в самое ухо Олег, в который раз впустую осмотрев веселившихся в той компании девчонок. – Спроси у Алиски, может она знает, Танюха сегодня будет?

– А сам чё не спросишь?

– Ну, не моя же сестра! Джендос, не обламывай, спроси!

– Ладно! – махнув на Олега рукой, Жека направился к танцующей неподалёку сестре.

Двинувшись к ней напрямиком, расталкивая пацанов и девчонок, он вызвал к себе внимание всех, кто танцевал в их компании. Друзья стали шутливо толкать его в спину, показывать на него руками, свистеть, что-то, смеясь, кричать, да только ничего из этого Жеку совсем не трогало. Подойдя к сестрёнке, он обнял её руками за шею и стал что-то кричать ей на ухо...

– Она говорит, откуда ей знать! В музыкалке сегодня не виделись, а так они ведь с ней не общаются! – едва вернувшись от сестры, пробасил Олегу в ухо Жека. – Попробует сейчас поспрашивать у её подруг, одну она как-то раз в музыкальной с ней видела. Если получится что узнать, скажет.

А Олег уже и так понял, почему так хитренько на него посмотревшая Алиска вдруг направилась в танцующую по соседству компашку. Понял и стал терпеливо ждать её возвращения. Всё время, пока она была там, он не сводил с её миниатюрной фигурки глаз, пристально наблюдая, как она подошла к одной из девчонок по соседству и довольно долго с ней о чём-то шепталась.

Когда, наконец, Жекина сестрёнка направилась назад, Олег едва удержался, чтобы не рвануться ей навстречу, опередив в этом Жеку. Потом же, дожидаясь, когда его друг вернётся от сестры и сообщит, что та «выходила», он и вовсе чуть не сошёл с ума.

– Приболела твоя Танюха! – закричал Жека, склонившись к Олегу. – Подруга её говорит, что у неё голова разболелась. Так что на сегодня всё отменяется!

Ничего не ответив другу, Олег сразу сник. Кивнув Жеке, еле сумев при этом сохранить на лице всё то же выражение, – не хотелось никому показывать, как он был раздосадован, – он в тот же миг потерял ко всему происходящему вокруг всякий интерес. Танцевать расхотелось абсолютно. С пацанами общаться тоже. Да и вообще, даже просто оставаться там вмиг пропало хоть какое-нибудь желание. Захотелось уйти домой.

– Ты куда, Олег? – услышал он за спиной голос обеспокоенного Юрки, едва только повернулся, чтобы выйти из столпотворения одержимо танцующих друзей.

– Да! – махнул он в ответ рукой.

– погоди! – Юрка шагнул вслед за другом. – Что случилось?

Последнее он спросил, уже догнав Олега у расположенной рядом стены, куда тот отошёл, чтобы спокойно решить, что ему делать дальше.

– Понимаешь, Юрбан, Танюха заболела, а я сегодня уже на общение с ней «заточился!» – улыбнулся другу Олег, отчего его массивный волевой подбородок сразу же принял более мягкие черты. – Думал, познакомимся. Ты извини, я, наверное, домой пойду.

– Да расслабься... – попробовал было утешить друга Юрка, да только всё было напрасно. Олегу ничего не хотелось слушать.

Простившись с другом, попросив передать от него «Пока!» и Жеке, вскоре Олег уже шагал по ночным улицам родного города, ссутулившись и спрятав руки в карманы.

* * *

Вначале он хотел было направиться к дому, где жила «его» Татьяна, однако, малость поразмыслив, всё-таки решил этого не делать. Во-первых, он ещё с ней даже не знаком. Во-вторых, даже если б и был знаком, прийти вот так, ночью, непонятно зачем... Хотя последнее и было, в общем-то, понятно, пришёл бы он для того, чтоб поведать, но всё равно, не ночью же делают такие вещи!

На улице стояла отличная весенняя погода, которой их городок уже которую неделю баловала в этом году весна. Устоявшееся тепло, сухой асфальт, звёздное небо... Всё это уже само по себе могло поднять настроение, если б мысли не тяготило сегодняшнее фиаско.

Остановившуюся на перекрёстке перед проезжей частью сгорбленную бабульку Олег заметил ещё издали. Увидев же, совершенно не придал этому значения. Стоит, застыв на месте, ну, мало ли! Тем более, что мысли его были заняты совершенно другим. Точнее, другой, – всё той же Татьяной. Если б всё вышло, как планировалось, возможно сейчас, ну или самую малость позже, он шёл бы по ночным улицам с ней, беззаботно разговаривая. Но нет же! Идёт вот один.

Приблизившись, Олег разглядел, что бабуля как-будто не решалась перейти на другую сторону улицы. Топчась на месте, она суетливо озиралась по сторонам и, было похоже на то, боялась ступить на дорогу. При том, что вокруг совершенно не было машин. Старенькая, наверное, совсем, вот и боится. Так Олегу, который уже подходил к замешкавшейся старушке, тогда и подумалось.

О том, чтоб предложить растерянной бабушке свою помощь, в голову ему в те мгновения не пришло даже мысли. Слишком уж много места там занимали невесёлые думы о неудавшемся в тот вечер знакомстве. Однако, просто пройти мимо сгорбленной незнакомки, как собирался он в те мгновения сделать, у него не получилось.

– Сынок! – вдруг обратилась к нему бабулька по-старушечьи хрипловатым голосом, когда он с ней уже почти поравнялся.

Повернув голову, Олег наткнулся глазами на её старенькое сморщенное лицо. Бабушка выглядела так жалко, что Олег сразу же спохватился и захотел ей хоть чем-нибудь помочь, после чего он тут же отозвался на её, только что услышанный им, оклик.

– Да, бабуль!

– Сынок! Помоги мне, старой, на ту сторону перейти! А то сама я никак... – прохрипела старушонка, протягивая сухонькую дрожащую руку к локтю Олега.

При виде её немощной руки грудь парня ещё больше сжалась от жалости, и он, конечно же, поспешил подставить ей навстречу свою, согнутую перед этим в локте.

– Конечно, бабуль! – проговорил он, почувствовав, как пальцы старушки неожиданно цепко ухватили его за предплечье.

Ухватили и... Это было последнее, что почувствовал Олег. В следующую секунду он будто провалился в кромешную чёрную темноту, ничего вокруг себя не видя и даже не ощущая.

* * *

Когда к Олегу стало возвращаться сознание, первым, что он почувствовал, было то, что лежал он на чём-то холодном и твёрдом, было похоже, что на каменном, полу. Почувствовал и тут же припомнил всё, что произошло с ним на перекрёстке, закончившись прикосновением странной старухи. Припомнил и в следующую секунду... В следующую секунду он мгновенно открыл глаза и вскочил на ноги! Сердце бешено заколотилось в груди, словно почувствовав нависшую над парнем пока неведомо какую опасность. А ещё через пару мгновений, оглядевшись вокруг, молодой человек не поверил своим глазам. Потому что последние тут же «выдали», что он оказался в довольно просторной железной клетке, находившейся в мрачном, без единого окна, помещении с неоштукатуренными стенами, выложенными красным, уже разваливающимся от времени и сырости, кирпичом. Помещение было едва освещено слабо горевшим в одном из его углов, закреплённым в каком-то креплении в стене, факелом, благодаря чему и было видно его внутреннее убранство. В глаза так же сразу бросились и отделанный таким же рассыпающимся красным кирпичом, тоже противно отсыревший потолок, и уложенный таким же материалом, усыпанный кирпичной крошкой и также пропитанный влагой пол. Напротив клетки, на такой же обшарпанной стене, было расположено что-то вроде скрывавшей её безобразия картины, – без рамки, приклеенной на стену подобно тому, как приклеивают фотообои, – на которой оказался изображён погасший камин с подвешенным в нём на специальном креплении котлом.

Странную мрачную комнату наполняла непонятная и, вместе с тем, ужасно отвратительная вонь. Присмотревшись, в самом дальнем углу помещения, там, где горел факел, Олег разглядел большой, густо испачканный чем-то тёмным, пень, в который был воткнут огромный, измазанный чем-то таким же непонятным и тёмным, топор. Над пнём с потолка, непонятно как, свисал внушительных размеров железный крюк, напоминающий своими очертани-

ями рыболовный. Сбоку же от пня, на полу... При виде этого Олега замутило. Потому что там оказались свалены в кучу отсечённые человеческие головы! Причём, почти все они были уже разлагающимися от времени, хоть и разной между собой степени этого ужасного временного изменения. Сразу стало понятно, что источало ту тяжёлую, оказавшуюся трупной, вонь. Как и то, во что были испачканы злоеющие пень и топор. То испачкавшее их тёмное нечто было ничем иным, как человеческой кровью...

При виде окровавленного пня Олег сразу же метнулся куда-то в сторону, и сам не понимая, куда именно. Метнулся и в следующий миг ударился о железные прутья клетки, о которой уже напрочь забыл из-за мгновенно охватившего его ужаса.

Потерев рукой ушибленное место и придя в себя, Олег ещё раз со страхом огляделся, теперь осматривая клетку, в которой оказался заперт. И на этот раз увидел, что она была грубо сварена из настолько толстых железных прутьев, будто раньше в ней содержали по меньшей мере циклопа. Довольно просторная, с разбросанной по каменному полу истоптанной соломой, клетка больше походила на стойло для скота, хотя последнего Олег никогда и не видел. Только одна деталь делала её похожей на место обитания, хоть и невольного, для человека. В углу клетки, прямо на полу, лежал старый потёртый матрас, застеленный вместе с лежавшей на нём замусоленной подушкой таким же потрёпанным ватным одеялом.

Продолжая осматриваться, Олег перевёл взгляд на решётчатую дверь клетки и увидел, что на той совершенно не было никакого запорного устройства. Ни замка, ни щеколды, ни хотя бы какого-нибудь их подобия. Забыли, что ли, те, кто его пленил, запереть? Тут же обрадованно бросившись к так обнадёжившему его выходу, Олег вцепился обеими руками в его решётку и попытался толкнуть, но... Дверь не поддавалась, оставаясь такой же неподвижной, как и вся остальная клетка. Застонав, Олег в отчаянии её затряс, пробуя хоть немного расшатать, но и эти его усилия оказались тщетны. Дверь оставалась неподвижна, словно была приварена.

От досады парень едва не зарыдал. Какой кошмар! Усевшись прямо на камни, – пол и в самом деле оказался каменным, – Олег понуро опустил голову. Невозможно передать словами, что он чувствовал в те страшные мгновенья. Кошмарная смесь ужаса, отчаяния, безнадежности, заполнила тогда весь его разум. И только не перестававшие его осаждать мысли о наверняка нависшей тогда над ним смертельной опасности помогли ему, наконец, хоть немного собраться с мыслями.

Перед тут же всплыла последняя из увиденных им до того, как он сюда попал, картин – жалкая, сморщенная, просящая перевести её через дорогу старушка, тянущая к нему свою дрожащую, немощную ручонку. Вот тебе и старушка! Вот и немощная ручонка! Только коснулась его и... Коснулась... Больше Олег не помнил ничего. До того момента, как здесь очнулся. Знать бы ещё, где это «здесь»! Где он очутился и кто его сюда упрятал.

Олег снова стал затравленно озираться по сторонам. Что же делать? Может, покричать? Чтобы слышали те, кто заточил его здесь. Хотя, к чему? Ну придут они, и что дальше? Станет ли от этого хоть что-нибудь лучше? Судя окровавленному пню в углу и валявшимся рядом с ним отрубленным головам, ничего хорошего от тех, кто заточил его здесь, ждать ему не приходилось.

Внезапно размышления Олега были прерваны отчётливо раздавшимися в том злоеющем помещении щелчками отмыкаемого снаружи замка. То, что замок отпирали снаружи, было понятно, несмотря на то, что саму дверь из клетки видно не было – та находилась за углом ведущего от неё то ли коридорчика, то ли просто скрывавшего её углубления. Понял и сразу затих, настороженно, даже испуганно, вскочив на ноги, но не поднимаясь, а оставаясь на корточках, и внутренне готовясь к самому страшному.

Сразу за противным скрипом открываемой неизвестно кем двери из коридорчика, или углубления, донесли звуки чьих-то по-старчески шаркающих шагов. Ещё пара мгновений,

и перед взглядом Олега предстала та самая старушка, которую он совсем недавно попытался перевести через проезжую часть улицы!

– Очухался? – голос недобро полоснувшей его взглядом старушечки был всё так же хрипл. – Вот хорошо, а то уж всё утро провалялся. Уже и обедать пора, а ты ещё даже не завтракал! Тебе же теперь надо кушать побольше...

Интонация её голоса была такой неприязненной, что не оставалось ни малейшего сомнения в том, что ничем хорошим для Олега общение с ней обернуться не могло. Впрочем, в те мгновения он подумал совершенно о другом. «Какой кошмар! – не обратив внимания на голос старухи, ужаснулся парень. – Если верить этой бабке, уже в самом разгаре день, следующий за той ночью, когда я ушёл из «Пеликана»! Бедная мама так и не дождалась меня в тот вечер, вернее сказать, ночь. А потом и на следующее за ней утро, и сейчас, днём. Бедные «предки»! Как они в эти часы с ума сходят! В то время, как я заперт тут в какой-то клетке...»

– Кто Вы? – Олегу пришлось заставлять себя разговаривать, потому что язык у него в тот момент от ужаса словно онемел. – И где я?

– Ну где! – с усмешкой отвечала ему только что вошедшая бабка. – У меня дома, милоч. В подвале. Что же касается того, кто я...

Не договорив, бабуся пристально уставилась на Олега, и в глазах у неё мелькнули какие-то непонятные огоньки. Подойдя ближе, она продолжала.

– Сказки в детстве читал? – гадко улыбувшись, спросила она. – Про бабу-Ягу? Так вот, те сказки про таких, как я, и сложили.

– Что вы... Хотите... Сказать? – ужаснувшись, Олег едва смог подобрать слова.

– А то и хочу! – ухмыльнулась ещё гадливее, продолжала бабка. – Съем я тебя, милоч! Вот только покормлю с месячок, – уж больно ты тощ, – и съем.

При последних словах старуха зловеще смерила фигуру Олега взглядом и захохотала.

Олег тоже осмотрел бабку с головы до ног, особенно задержав взгляд на лице, и теперь смог разглядеть её получше. Последнее, кроме того, что было сморщенным, оказалось ещё и очень грубым на вид, словно кора высохшего дерева, и каким-то одутловатым, отчего выглядели чересчур большими поросшие жёсткими от возраста волосами подбородок и щёки, и слишком маленьким не принявший по каким-то причинам в той одутловатости участия нос. Дополняли там картину видневшиеся на щеках в паре мест огромные чёрные бородавки, выбивавшиеся из складок ярко выраженных морщин, что делало, из-за их цвета, физиономию старухи по-особенному зловещей.

Бедному парню очень хотелось в тот миг подумать, что у бабки «поехала крыша», да только стоявший неподалёку в углу окровавленный пень с вогнанным в него таким же окровавленным топором не давал подобным мыслям даже зародиться. В то же время всё в его рассудке отчаянно протестовало против того, что только что свалилось ему на голову. Какая, к чёрту, баба-Яга?! Какое, к чертям собачьим, «съем»?! Как вообще такое может быть, чтобы в двадцать первом веке люди пожирали людей?! Бред какой-то! Однако, пень в углу, торчавший из него топор и сваленные рядом с ними в кучу отрубленные головы красноречиво свидетельствовали о том, что всё это происходило с ним на самом деле...

От таких мыслей, порождавших в его душе огромный и неуёмный страх, у Олега едва не помутился рассудок. В то же время, едва он услышал последние слова старухи, в голове у него начался лихорадочный поиск хоть какого-нибудь пути спасения. Из-за страха поиск тот был настолько хаотичным, что больше походил на этакую мысленную панику. Мысли лезли друг на друга, каждая словно оспаривая у остальных свою исключительную правильность и право быть услышанной в первую очередь. И из-за этого в мыслях тех совершенно ничего невозможно было разобрать и уж тем более понять.

– Через месяц ты должен мне растолстеть, – между тем, снова раздался в помещении хриплый голос жуткой старухи. – Значит, тебе нужно побольше кушать. Смотри, какой вкуснятины я тебе принесла.

С последними словами в руках у старой карги вдруг непонятно откуда взялась корзина, до краёв наполненная продуктами. Из-за её плетёных бортиков выглядывали наполненные молоком и чем-то прозрачным, наверное, водой, бутылки, кончики палок копчёной колбасы и хлебных батончиков, между которыми белоснежной тряпицей было прикрыто что-то ещё. Шагнув к клетке и потянув на себя её, словно вросшую в стены из толстых решёток, дверь, в следующий миг бабка на удивление легко её открыла и вошла внутрь. Едва же там оказавшись, старуха быстро поставила корзину на пол и так же быстро вернулась назад.

– Вот и молодец, что не бузишь, – довольным голосом проговорила она, закрывая за собой вход в клетку. – Ешь теперь себе да жирку набирай! А я пойду...

Олег снова сидел на полу и недоумевал. Он так хотел сейчас наброситься на ту старую сволоочь, да только всё время, пока она была у него «в гостях», не мог даже пальцем пошевелить. Загипнотизировала она его, что ли?

– Завтра я тебе ещё еды принесу, – уже уходя, добавила старуха. – Ты же, если чего другого покушать захочешь, скажи. Я принесу. Тебе же только лучше от этого! Напоследок поешь, чего душа пожелает.

С последними словами старая направилась к ведущему ко входной двери коридорчику, и через несколько мгновений скрылась в нём. Вскоре и дверь захлопнулась за её спиной. Олег остался в жутком подвале, в котором ему только что была обещана страшная и уже скорая смерть, один.

* * *

Ночь, пришедшая на смену дню его «знакомства» с жуткой старухой, – следить за временем ему помогали наручные часы, которые бабка у него не отобрала, – успокоения не принесла. Так и оставшись сидеть на полу, первые часы он только и делал, что «грыз» себя мыслями о том, какой был дурак, отправившись вчера из «Пеликана» домой один. О том, что и бабку на перекрёстке он запросто мог бы обойти стороной. И вообще в тот вечер послушаться маму и никуда не пойти... При том, что понимал всю бесполезность и даже вредность таких мыслей. Но ничего не мог с собой поделать. Думы те снова и снова лезли в его голову, как ни старался Олег переключить их ход хоть на что-нибудь другое.

Ближе к полуночи от такого самобичевания его спасло элементарное чувство голода. Как ни делали самоедство, только что пережитый стресс, тревога из-за стусившейся над головой огромной опасности его почти незаметным, в двенадцатом часу ночи это чувство заявило о себе уже настолько настойчиво, напоминая Олегу об оставленной зловещей старухой корзине, что противиться ему не оказалось никаких сил.

– Посмотреть, что ли, что она там принесла? – сдавшись, наконец, своему голоду, чуть слышно пробормотал Олег, потянувшись рукой к корзине.

Едва убрав накрывавшую что-то между бутылками, колбасой и хлебом белую тряпицу, Олег едва не захлебнулся собственной слюной. Под ней оказались пирожки, запечённая курица, конфеты... «Копнув» поглубже, парень увидел свои любимые охотничьи колбаски, котлеты, жаренную рыбу... Хорошая бабулька! Кормит, как родная. Если ещё не знать, зачем.

Впрочем, несмотря на последнее, есть всё равно хотелось. Едва сумев удержаться от соблазна сразу же навалиться на наполнявшую бабкину корзину вкуснятину, Олег дал себе зарок и сейчас поест, и вообще кушать здесь, самую малость. Есть лишь для того, чтобы не окочуриться с голоду. И всё это чтобы не растолстеть, как ждала от него этого, судя по её же словам, жуткая старуха. А наоборот, похудеть.

Как трудно было следовать этому зароку, когда принесённая бабкой вкуснятина так и тянула за нос, а сзади «подталкивал» «сидевший» внутри него казавшийся уже таким огромным голод! Съев один пирожок да запив его несколькими глотками воды, ему даже пришлось подойти к решётке клетки и снова посмотреть на валявшиеся в углу комнаты отрубленные человеческие головы, приюхиваясь к доносившейся от них вони, к которой уже успел немного попривыкнуть. И у него получилось испортить себе аппетит. Есть почти сразу перехотелось.

Оставалось подумать над тем, как поспать. Впрочем, об этом ведь пленившая его старуха тоже позаботилась! Олег сразу вспомнил о лежавшем в углу клетки на полу потёртом и грязном ватном матрасе, на котором были аккуратно уложены замусоленные подушка и одеяло. Вспомнил и сразу направился к ним.

«Постель» была ужасно противной, однако, Олегу уже было не до того, чтобы хоть чем-то брезговать. Остаться бы живу.

– Интересно, а те бедняги, – пробормотал он, поправив подушку и одеяло и ненадолго скосив взгляд на валявшиеся возле окровавленного пня головы, – тоже здесь спали? Наверное, да...

Пристроив голову на отвратительную, лоснящуюся от грязи подушку, вскоре парень провалился в пучины крепкого, хотя, одновременно, и очень тревожного, сна.

* * *

Дни тянулись томительно.

Вот когда Олег узнал, что такое по-настоящему мучительное ожидание! Хотя, сказать, что он чего-то ждал, было бы неверно. Разве можно ждать собственной смерти?! Ждать, когда тебя, наконец, сожрёт обезумевшая старуха, вообразившая себя бабой-Ягой?!

Обезумевшая старуха...

Что ж за уродка его пленила?! Правда сумасшедшая? Или на самом деле какая-нибудь ведьма? Во второе особенно верилось, когда Олег вспоминал о непонятных бабкиных способностях, благодаря которым она затащила его, молодого и крепкого парня, сюда. Благодаря которым она не боялась каждый день заходить к нему в клетку, чтобы оставить там очередную корзину с едой и вынести ведро с нечистотами, а он каждый раз при этом был не в силах даже пошевелиться. На эти же способности она, надо думать, рассчитывала, и когда собиралась его убить... Выходит, бабка и вправду была бабой-Ягой? Ну, или одной из тех, благодаря кому в фольклоре этот образ сформировался? Какой ужас! Ведь если так, то его уже и в самом деле очень скоро эта жуткая старуха должна была сожрать!

Думать об этом не хотелось.

Но как было не думать?!

А как было Олегу не изводить себя мыслями о том, что, в принципе, всё могло сложиться совершенно иначе?! Совершенно иначе, если б не эта старая сволочь!

Такие мысли всё лезли и лезли в голову, одна «красе» другой. Сердце же с каждым днём таких размышлений всё больше и больше сковывало страхом. И дело было не только в тех размышлениях. С каждым днём всё ближе и ближе становился обещанный ему старухой последний в его жизни кошмар.

Надежды на спасение не было. Вернее, почти не было. Сквозь тяжёлые тучи отчаяния и страха всё-таки пробивался её маленький лучик, давая Олегу силы сопротивляться. Как сопротивляться? Хотя бы так, что у него всё-таки получалось совершенно не набирать веса! И это несмотря на то, что бабка каждый день приносила ему полные корзины всякой вкуснятины. Не поддаваясь старухе, он ежедневно отвергал эти пиршества, абсолютно не обращая внимания на то, что всё время сидел полуголодным. Было очень мучительно, но не делать этого означало

б лишить себя единственной надежды избежать обещанной ему злобной старушенцией кошмарной смерти.

Чтобы старая ничего не заподозрила, – а то ещё придумает, как кормить его насильно, – по ночам он скармливал принесённые ему вкусности крысам. Благо их водилось там не один десяток. Скармливал, отдавая им свою еду не сразу, а только порциями, каким бы он сам мог её съесть, делая это на случай, если бы старая ведьма вдруг надумала пожаловать к нему с проверкой.

Общение с крысами было ещё одним спасением от тяжёлых и гнетущих мыслей. Очень быстро они стали брать еду прямо из рук, а одна из них даже стала безбоязненно взбираться к Олегу на колени. Их же возня и попискивание в какой-то мере стали заменять ему голоса близких ему людей.

* * *

Минуло две недели. Каждый прожитый день Олег отмечал неглубокой царапиной на полу под матрасом, нанося её маленьким кусочком проволоки, которым оказалась пережата в месте скрутки оболочка одной из принесённых ему бабкой палок колбасы. Благодаря «диете», которую Олег усилием воли заставил себя соблюдать, по прошествии тех недель лишнего веса он не набрал ни грамма. Как он это видел? Да очень просто! Разве б стали спадать с него штаны, если бы он поправился? То-то и оно, что нет! Выходит, за время, проведённое в клетке, он даже немного похудел. Похудел, совершенно несмотря на старания злобной старухи, ежедневно приносившей ему по корзине разной вкуснятины, день ото дня всё разнообразнее и изысканнее.

Каждый день, приходя в подвал с пленником, бабка окидывала его взглядом:

– Ты гляди, всё ещё какой худой! – всякий раз качала она при этом головой. – Сколько харчей на тебя извела, и всё не впрок...

В тот день Олег с утра был в самом мрачном, какое у него только могло быть, расположении духа. Впрочем, такое настроение было у него теперь всегда, с тех самых пор, как он оказался заперт в клетку в той зловонной норе.

Вечер всё не наступал и не наступал. Стрелки часов словно сговорились. Даже минутная, казалось, замерла на месте, совершенно не желая показать, что время всё-таки шло. Только отрывая нетерпеливый взгляд от циферблата, когда получалось хоть на что-нибудь, хотя бы на пару минут, себя отвлечь, Олег видел, что она всё-таки перемещалась. Впрочем, даже это не могло сделать движение времени для него хоть немного более заметным.

Зачем он вообще его ждал? Вечер-то? И в тот день, и в другие? Наверное, просто чтобы хоть чего-нибудь ждать. Последнее же он и сам не знал, зачем.

Изнывая в ожидании, Олег, наверное, согласился бы даже умереть, лишь бы избавиться от того изнурительного томления. Оттого, наверное, ему, в одно из тех мгновений, и показалось, что он в самом деле умер, когда окружавшая его уже которые сутки подряд гнетущая обстановка подвала старой ведьмы вдруг исчезла, враз со всех сторон сменившись видом дивного сада и поющих на его ветках птиц. Что ещё, как не смерть, могло принести ему такое внезапное и быстрое избавление от клетки в мрачном бабкином подземелье?! Кроме того, Олег принял это за смерть, наверное, ещё и потому, что не терял при этом осознания всего с ним происходящего.

Сколько вышло пробыть таким «мёртвым», он вряд ли бы смог тогда сказать навскидку, когда забытье – это оказалось всего лишь забытье, внезапно затаскивший его в себя сон, – с него, наконец, спало. И только посмотрев на часы, он с радостью увидел, что день уже давно закончился. Вокруг уже была полноправной хозяйкой ночь, пора было покормить крыс и ложиться спать теперь по-настоящему.

Как мучительно было каждую ночь кормить этих серых зубастых «помощников»! Отдавать им всё самое вкусное, самому же при этом не брать в рот ни крошки, потому что днём уже съел свою ежедневную норму. Тем не менее, он делал это каждый раз. И эта ночь не был исключением...

Олег не знал, сколько прошло времени с того момента, в который он смог, наконец, после недавнего «перекемара», уснуть, когда его разбудило клацанье отмыкаемого дверного замка.

Сон, за дни пребывания в подземной клетке, стал очень чуток, и поэтому он вскочил на ноги, едва только услышал эти звуки. Было совершенно очевидно, снаружи кто-то собирался войти. Да и разве ж «кто-то»? Кто ещё мог, кроме бабки?!

Бабки... Ночью она ещё ни разу к нему не приходила! Зачем же пришла сейчас? Неужели... От последней мысли, которую он даже не успел додумать, на кожу вмиг вылился противный липкий холодок.

Неужели всё? Сейчас бабка обездвижит его и убьёт?!

Ноги от страха предательски подогнулись. Олег едва не упал, еле успев вцепиться в толстые железные прутья клетки руками.

А дверь уже открывалась. В подвале отчётливо раздался её отвратительный скрип. Ещё мгновение, и характерные звуки шаркающих старушечьих шагов подтвердили, – в подземелье вошла его хозяйка.

Сердце Олега от страха забилося в груди, словно посаженная в клетку вольная птица. Кожа вмиг оказалась покрыта холодным потом. В голове же начало больно пульсировать: «Берегись! Берегись! Берегись!»

Но что он мог, если это на самом деле пришла за ним бабка?!

Что он мог?

Неужели, и в самом деле, для него всё кончено?!

Едва унимая во всём теле противную дрожь, Олег внутренне приготовился к самому худшему.

Но что это? В следующий миг он услышал, что к шороху шарканья по полу обуви на ногах старухи оказались примешаны ещё какие-то, едва слышные, звуки. Чьих-то ещё шагов? Да! С ней явно шёл кто-то ещё. Вскочив на ноги, Олег заметался по клетке, как сумасшедший.

Бабка пришла не одна. И это ещё больше усилило и так уже переполнявшее душу Олега чувство опасности. Ведь она как-то говорила, что хочет съесть его, угощая человечиной свою сестру.

Не осталось абсолютно никаких сомнений – это конец!

Сейчас его убьют и сожрут!

Едва подумав о последнем, Олег почувствовал, как всё его тело вдруг стало словно ватыным. То ли страх был этому причиной, то ли бабка уже начала его обездвиживать своими загадочными чёрными чарами... Да какая разница! В следующее мгновение парень обречённо устался на угол, из-за которого уже вот-вот должна была показаться виновница его жуткого заточения.

И тут!

То, что открылось в следующий миг взору Олега, ошеломило его настолько, что у него сбилось дыхание. Увиденное хоть и принесло ему какое-то облегчение, показав, что бабка пришла не за тем, чтобы его убить, всё равно его шокировало, потому что было настолько неожиданным «поворотом», что он даже представить себе такого не мог!

Поддерживая под руку, бабка вводила в подвал... Таню!

Что?! Олег как бешеный зверь бросился на решётку своей клетки и вцепился в её толстые прутья руками. О, если б он мог сейчас разогнуть это чёртово железо, чтобы выбраться наружу

и прийти на выручку так нравившейся ему девушке. А бабку разорвать, растерзать, растоптать. Ведь было совершенно ясно, зачем она привела в свой подвал пребывающую в беспамятстве девушку.

– Ишь, как вострепнулся при виде девки! – с мерзким хихиканьем проворчала бабка. – Успокойся.

Сказав последнее, бабка чуть заметно махнула в сторону Олега рукой. И в тот же миг он почувствовал, как всё его тело так обмякло, будто каждая его мышца в один миг напрочь потеряла свою силу. Едва цепляясь руками за решётку, он медленно сполз по ней на пол.

С противным скрипом открыв его клетку, бабка затолкала туда ничуть не сопротивляющуюся Таню, прямые светло-русые волосы которой рассыпались по её плечам и даже по лицу. После чего в руке у хозяйки подвала, снова невесть откуда, появилась такая же, как она всё это время приносила Олегу, корзина с продуктами. Поставив её на пол, она с лязгом захлопнула решётчатую дверь.

– Расскажешь ей, что с этим делать, – по-приятельски подмигнула она Олегу, кивнув на всё ещё не отошедшую от её чёрных чар Татьяну. – А я уж пойду. Замаялась я с вами...

Широко зевнув, старуха сделала пару шагов по направлению к выходу, после чего снова повернулась к пленнику, зачем-то поясняя:

– Ей тоже надо отъедаться. Очень уж худосочная попалась. Как ты. Тьфу, ну что ты будешь делать!

– Зачем же Вы тогда её похитили? – вместо Татьяны Олег был готов увидеть в своей клетке кого угодно.

– А-а! – бабка раздосадованно махнула рукой. – Сперва не разглядела, а потом...

– Что потом?!

– Потом уже не стала возвращаться. Да видно зря. Не подавать же кости на стол!

Пройдя ещё немного, всего на миг взглянув себе под ноги, она продолжила объяснять:

– Сестра в гости ко мне уже назавтра обещалась. А у меня из угощения был только ты. Худющий, явно шкилет. Думала посочнее кого раздобуду, а попалась такая же! Прямо хоть снова на промысел иди... И-э!

Последнее было нечленораздельным возгласом, с которым бабка раздосадованно махнула на Олега рукой, после чего сразу же повернулась и спешно затопала к выходу. Через несколько мгновений скрип закрываемой двери и раздавшийся вслед за ним лязг замыкаемого замка возвестили о том, что старуха ушла.

* * *

Красивые жёлто-зелёные глаза ошарашенной Олеговым рассказом Татьяны были переполнены ужасом. Губы её дрожали, руки тряслись. От недоверия, которым поначалу немного сквозил её голос, – естественно, такое в голове у нормального человека уложится отнюдь не сразу! – после того, как Олег показал ей сваленные в кучу за окровавленным пнём страшные разлагающиеся человеческие головы, не осталось и следа. И теперь только огромный страх, да что страх, неопикуемый ужас, завладел в её рассудке абсолютно всем, не давая там даже попробовать зародиться хоть чему-то иному.

Попробуйте хоть на миг представить себя на месте Тани, да хоть и Олега, в те мгновения! Когда они отчётливо понимали, что в ближайшем будущем их убьют и зажарят. А может быть сварят, или испекут, или засолят... Не важно, как, главное, сожрут! Эта мерзкая бабка со своей не менее, надо думать, отвратительной сестрицей.

Но это ещё не всё! Один из них – Таня или Олег, – пойдёт на эту жуткую смерть первым, и тогда второй будет вынужден на всё это смотреть. Окровавленный пень и отрубленные головы в углу красноречиво свидетельствовали о том, где состоится кровавый кошмар. Сразу

и не скажешь, что было лучше, – пойти на смерть раньше своего товарища по несчастью, чтобы поскорее избавиться от мучения страхом, или остаться смотреть на то, как будет умерщвлён тот, кто примет смерть первым. Как бы то ни было, Олег уже для себя решил, что пойдёт первым, давая своей избраннице хоть мизерный шанс остаться в живых. Насколько она проживёт в таком случае дольше него? На день? Два? А может быть, на неделю? Кто знает! Но насколько бы ни было, за это время всякое может случиться...

Татьяна была просто в шоке от всего рассказанного ей Олегом. И в шоке ещё большим, чем случился в своё время от таких же впечатлений у самого рассказчика. Голос её то и дело срывался, движения сделались резкими и хаотичными, голова отказывалась соображать. Худощавое лицо порозовело, застилавшие раскрасневшиеся глаза слёзы уже давно катились по щекам и даже по её изящному подбородку, размазывая по ним тушь с ресниц.

– Она... Она будет нас откармливать? – Таня всё ещё была не в силах поверить в только что услышанное.

– Не плачь! Мы с тобой обязательно отсюда выберемся!

– Не утешай меня, как маленькую! – срываясь в истерику, закричала девушка на Олега. – Думаешь, я не вижу, что сбежать из этой клетки невозможно?! Думаешь, не понимаю, что ты уже давно б отсюда удрал, если бы на это была хоть малейшая возможность?! Думаешь, я дура? Да? Дура?!

– Тише! Тише! Не надо так! – подобравшись к ней поближе, Олег обнял и прижал Татьяну к себе. – Поверь, выберемся. Я ещё не знаю, как, но уверен, мы обязательно отсюда сбежим.

Испачкав тушью рубашку Олега, Таня отстранилась от него и уселась на лежавший на полу в клетке матрас. Понемногу переставая рыдать, она заговорила сама с собой:

– Вот дура! Говорили же предки, не ходи никуда без папы! Сейчас бы спала себе дома...

Уронив голову на пристроенные на коленях руки, она продолжала плакать. Олег присел на матрас рядом с ней и легонько тронул её за плечо.

– Послушай, Тань! Самоедством сейчас, что мне, что тебе, заниматься не стоит, – вспомнив свои такие же самоистязания, попробовал помочь ей с этим справиться Олег. – Ничего уже всё равно не исправишь, только нервы зря трепать себе будешь...

– Дура! Дура! Дура! – не слушала его Таня, и тогда Олег решил, что лучше в те мгновения было оставить её в покое, продолжив их беседу, когда она успокоится.

* * *

Под утро, вволю наплакавшись, Татьяна уснула. Матрас им теперь приходилось делить один на двоих, поэтому Олегу только и оставалось, что усевшись у своей новой соседки в ногах и облокотившись спиной на стену, подремать в такой неудобной позе.

Сон не шёл. Находясь под впечатлением произошедшего уже почти минувшей ночью, Олег никак не мог избавиться от заполнявших его голову тревожных мыслей. В плену у жуткой старухи, называвшей себя бабой-Ягой, конечным пунктом которого предполагается смерть, теперь оказалась так нравившаяся ему девушка Таня! Он, помнится, так мечтал с ней познакомиться. Познакомился... Нет худа без добра? Подумав о последнем, Олег усмехнулся.

Как же отсюда вырваться? Вырваться, чтобы и самому остаться живым, и Таню спасти. Как, как вырваться?!

Сон всё не шёл, иногда «подменяясь» каким-то переполненным тревогой забытием. Совершенно бесчувственным состоянием, во время которого абсолютно ничего не снилось. Вокруг лишь чудилась бесконечная чёрная пустота, из которой его, всякий раз совершенно внезапно, приводя в чувства, выхватывала всё та же тревога. В последний раз Олег провалился в такое беспмятство уже, наверное, утром, сморённый, в конце-концов, скопившейся за почти

бессонную ночь усталостью. Та окончательно одержала над парнем верх, и его забытье, наконец, переросло в сон...

Разбудило его отчётливо раздавшееся в подвале пугающее клацанье замка. Эти звуки могли означать только одно, бабка снова зачем-то спустилась в подвал! Что на этот раз? Не став будить Татьяну, Олег тихонько поднялся на ноги и медленно подошёл к решётчатой стене своей клетки.

А из-за угла уже слышалось шарканье бабкиных тапок, перемешанное с чьей-то ещё тяжёлой поступью. Старая ведьма опять кого-то вела! Напрягшись, словно сжатая пружина, Олег приготовился снова увидеть что-нибудь страшное. И не ошибся! Потому что всего через миг из-за угла показалась кошмарная сгорбленная старуха, ведшая с собой, поддерживая под руку, одного из его лучших друзей Жеку.

Час от часу не легче!

Но почему всё так больно бьёт именно его?! Олега?! Сначала он сам, потом так нравившаяся ему девушка, теперь Жека. Словно старуха взялась специально трепать ему нервы.

– Джендос! – закричал Олег, вцепился руками в железные прутья.

– Тихо! Тихо! – сразу заругалась бабка. – Ты гляди, как всполошился! Отойди. Ну!

Свободной рукой бабка махнула на Олега. И в тот же миг парень, уже в который раз за время своего пребывания в плену у старухи, почувствовал, как тело отказалось ему подчиняться. Ноги, руки, шея, плечи, спина, стали словно ватными. Сползая по решётке на пол, парень еле смог повернуть голову к двери в клетку и в следующий миг увидел, как бабка открыла её и втолкнула туда Жеку.

– Ты же всё не толстеешь и не толстеешь, – поймав на себе встревоженный взгляд Олега, зачем-то опять взялась пояснять ему бабка. – И эта попалась тощая!

С последними словами бабка кивнула на Таню, добавляя:

– Вот я и присмотрела себе уже откормленного...

«Вот сволочь! – взгляд Олега переполнился ненавистью. – Жека-то наш и вправду немного полноват! Значит, эта гадина возиться с ним долго, откармливая, как меня, не будет. Тем более, что завтра, как она сама же и говорила, к ней в гости сестра её пожалует. Или уже сегодня?!» Когда бабка минувшей ночью сказала «завтра», на часы-то он не посмотрел! При этих мыслях волосы на голове Олега встали дыбом... Значит, бабка, скорее всего, собирается съесть Жеку! Раз уж он и Татьяна для неё худосочные. И может быть, даже уже сегодня...

А бабка, тем временем, вышла из клетки и направилась к выходу.

– Вы угостите его чем-нибудь, чтобы он до приезда моей сестрицы не исхудал. Я смотрю, корзина-то у вас осталась почти нетронутой. Да сами ешьте. Набирайте жиру, не кормите же мне вас, пока вы не поседеете!

С последними словами, прозвучавшими очень зло, бабка захлопнула входную дверь. А в клетке уже начал приходить в себя Жека.

* * *

Восседая на свёрнутом в рулон одеяле напротив расположившихся на матрасе Олега и Тани, Жека смотрел на обоих ошарашенными глазами и не говорил ни слова. Ждал рассказа от них или же, шокированный, просто не мог ничего вымолвить, оставалось только догадываться.

На рулон из одеяла, когда он ещё толком не отошёл от бабкиных дурманящих чар, его усадил Олег. И теперь Жека продолжал на нём сидеть, ничегошеньки не понимая.

Олег и Таня терпеливо ожидали его «возвращения», не сводя глаз с его лица, и вскоре их ожидания были вознаграждены.

– Где мы? – было первым, что сказал пришедший в себя Жека, тут же начав изумлённо оглядываться вокруг. – И почему мы в клетке?

– А я, когда пришёл в себя здесь, поначалу и не увидел, что сижу среди решёток! – усмехнулся Олег.

– Хорош прикалываться, Олежек! – Жека вскочил на ноги. – Расскажи лучше, что всё это значит?!

Не дожидаясь от друга ответа, Жека заметался по клетке, как загнанный зверь. Потом подскочил к её двери и стал изо всех сил последнюю трясти. Вернее, пытаться трясти, потому что та оставалась неподвижна, как скала.

– Чёрт побери, Олег, что её держит?! – изумившись, закричал он на весь пленивший их подвал. – На ней ведь нет никаких запоров!

И тут его взгляд наткнулся на стоявший невдалеке в углу окровавленный пень и сваленные рядом с ним в неровную кучу отрубленные человеческие головы.

– Не понял... – потрясённый увиденным, он замер на месте.

Спустя где-то минуту Жека обернулся к своим товарищам по несчастью и уставился на них расширившимися от изумления, граничащего с огромным испугом, глазами.

– Вы... Вы... Вы чё тут все, охренели? – только и смог он в следующее мгновение проговорить.

– А мы-то с Олегом причём?! – усмехнулась ему в ответ Татьяна.

Она и сама ещё толком не успела отойти от свалившегося на неё в том подземелье кошмара.

– Ты присядь, я расскажу тебе, где мы втроём очутились, – Олег указал другу рукой на только что покинутое им, лежавшее на полу свёрнутое одеяло. – Только успокойся, ситуация, в которой мы оказались, требует спокойствия.

Подождав, когда Жека усядется, Олег начал свой невесёлый рассказ.

* * *

Самым трудным было сказать лучшему другу, что первым старая сволочь, скорее всего, – и даже не скорее всего, а точно! – убьёт и сожрёт именно его. И что случится это, вероятнее всего, уже сегодня. Она сама ведь об этом говорила, поэтому Олег это знал.

И он не сказал. Не смог. Слов застряли у него в горле, когда он попытался это сделать. Вместо этого, заканчивая своё невесёлое повествование, выдал бессвязное:

– Теперь ты знаешь, куда я две недели назад пропал. Хоть одно тут хорошо, кормят до отвала... А потом сюда и Танюха загремела.

Впрочем, от Жеки ничего утаить всё равно не получилось. Потому что он и сам обо всём, что было ему не досказано, догадался. Об этом стало понятно из его следующих слов:

– Понятно! Вас с Танюхой, значит, здесь ещё немного покормят. А я...

– Что ты? – Олег уставился на него с тревогой.

– Что ж тут непонятного! – мрачно усмехнулся Жека. – Вас, чтобы вы стали «посочнее», вас надо ещё покормить. Что касается меня...

Невесело засмеявшись, он похлопал себя ладонью по животу:

– Хоть сейчас ведьмам на стол можно!

– Что ты такое говоришь! – с недоумением, уже успев проникнуться к своему новому знакомому дружеской симпатией, воскликнула Таня.

– Не накаркай! – хмуро отозвался Олег, раздосадованный тем, что Жека обо всём догадался.

Впрочем, какая разница! Как будто если б не догадался, остался бы цел. Разве что поспокойнее оставшееся ему время прожил...

– Ладно, что будет – то будет, – махнул рукой Жека, тут же переводя разговор на другую тему. – Сейчас же расскажу-ка лучше я вам, как меня угораздило сюда попасть.

Обрадовавшись смене такой неприятной темы разговора, Олег и Таня сразу же устали на Жеку с готовностью слушать. И тот не заставил их долго ждать.

– Мы с Юрбаном, когда ты пропал, в рассказни полицейских о том, что твой след с того момента, как ты ушёл из «Пеликана», обрывается наглухо, не поверили и решили сами походить, поспрашивать, может, кто что видел, – начал свой рассказ Жека. – Ну и почти сразу кое-чего «нарыли». Бабулька одна, в пятиэтажке, что окнами на Большой тракт выходит, – напротив почты, помнишь? – в общем, не спалось ей в ту ночь, и она видела, как по тракту мимо её окон прошла какая-то старушка, держа под руку похожего на наши описания парня. Фонари тогда ещё не потушили, рассмотрела она и бабу, и того, с кем она шла.

– Вот, – помолчав несколько мгновений, продолжал Жека. – Поблагодарив бабу, мы с Юркой взяли приметы той старухи, что ходила ночью под руку с парнем по Большому, на заметку и давай разнохивать дальше. Пошли в том направлении, куда ночью те бабу с парнем направились, по ходу народ спрашивая. Двор за двором, и вот на примете у нас появилось с десяток похожих старушек.

Вздыхнув, Жека на мгновение смолк. Видно, ему было очень неприятно сознавать, что всего случившегося с ним он мог, в принципе, и избежать.

– Сегодня мы с Юркой с самого утра, – продолжил он мрачным голосом, – снова забили на школу и отправились кое-кого из тех бабусь опросить. Чтобы дело шло быстрее, решили их между собой поделить. Брат пошёл по левой стороне улицы, а я по правой.

С последними словами Жека снова замолчал. Опустил голову, он как-будто что-то вспоминал, и Олег с Таней ему не мешали.

– Последнее, что я запомнил, так это то, как зашёл я к одной бабуле во двор – очень уж ласково она меня приглашала! Собачонка ещё у неё так звонко лаем заливалась. Бабука потом меня за руку зачем-то взяла... И всё. Больше ничего не помню.

– Так и есть, – подтвердил Олег. – Меня она тоже за руку взяла. А потом я здесь очнулся.

– И меня, – чуть слышно проговорила Таня голосом, едва не срывающимся на плачь.

– Ну вот. Теперь более-менее всем всё понятно, – хмуро подвёл итог их разговору о том, кто как сюда попал, Жека. – Ещё б придумать, как отсюда выбраться, вообще было б зашибись!

– Да-а, – протянул Олег.

– Интересно, скоро она со своей сестрицей по мою душу придёт? – промолвил Жека, вскакивая с места и снова подходя к двери клетки. – Впрочем, сколько б времени до их прихода ни оставалось, терять мы не будем ни минуты!

Вначале Жека встал и обошёл клетку по периметру, словно ища в её решётчатых стенах брешь или, на худой конец, хотя бы участок под ними земляного пола. Не найдя ничего, что хоть немного удовлетворило бы его интерес, он вдруг подпрыгнул и, ни слова не говоря, повис на её решётчатой стене. Олег и Таня, понимая его душевное состояние, ничего ему не говорили, и тогда он, повисев на решётке совсем немного, в неожиданной ярости спрыгнул и подскочил к двери клетки, тут же начав её неистово трясти и при этом исступлённо кричать.

– Джендос! – подал голос до этого молча наблюдавший за ним Олег, когда тот смолк.

– Ненавижу!

– Это ты о бабуке?

– И о ней, и об этой долбаной клетке!

– Присоединяюсь, – Олег с горечью усмехнулся. – Что касается заточившей нас сюда старой плесени, так я, была б возможность, её бы убил. Видал, сколько народу она уже сожрала?

– Если это все. Может, это лишь часть её жертв. Вон ведь какая она старая!

– И то правда, – согласился Олег.

А Жека... Не говоря больше ни слова, подошёл к своим товарищам по несчастью, по-прежнему сидевшим на матрасе, и, свернувшись калачиком, улёгся на свободной половине

последнего, примостив голову на ноги Олегу. Никому больше не хотелось ничего говорить, и в следующий мгновения пленников жуткой старухи накрыла тишина.

* * *

Как они, все трое, стали проваливаться в дремоту, не заметил никто. Пучина сна затащила их к себе совершенно неожиданно и незаметно. Наверное, так сказались нервное напряжение последних дней и часов, да прошедшая для Олега и Тани почти без сна ночь. Девушка уснула, склонив голову сидевшему рядом Олегу на плечо, Жека, как уже говорилось выше, пристроив свою «думу» другу на ногу. Олег же легонько придавил своим «котелком» устроившуюся у него на плече милую головку Татьяны.

Донёсшийся от двери зловеющий металлический лязг отмыкаемого замка разбудил сразу всех троих. Едва сдержав крик от испуга, и Жека, и Олег с Таней, с ужасом уставились на угол, из-за которого должна была появиться пленившая их старуха. Скрипнула дверь, и в следующее мгновение все трое хорошо различили старушечье шарканье страшной бабки, перемешанное с немного более твёрдой поступью кого-то ещё. Ещё несколько секунд, и из-за угла показалась хозяйка ужасного подвала, рядом с которой, сильно сгорбившись, ковыляла ещё одна старуха в похожем одеянии, держа в руках какую-то чашку.

– Ну-у, что-о, – повернулась первая из них к своим пленникам. – Готовы?

Ослабившись в жуткой улыбке, обнажив свои жёлтые кривые зубы, она подошла к клетке.

– Вернее сказать, ты готов?

Её корявый палец указал на вмиг побледневшего, словно снег, Жеку.

– К чему? – только и смог тот вымолвить в ответ, от страха почти потеряв голос.

Смотря расширившимися от ужаса глазами на старуху-людоедку, он медленно попятился от двери. На его без единой кровинки лице в те мгновения читался нечеловеческий ужас.

– Хе-хе-хе! – противно засмеялась бабка. – Яда, ты слышишь?

– Не пугай его, Еге! – отозвалась её сгорбленная, ещё сильнее, чем она сама, спутница. – А то мясо жёсткое будет.

– М... Мясо?! – не помня себя от ужаса, Жека не мог выговорить ни слова.

– Ну да, – развеселилась та, кого только что назвали Еге. – Твоё мясо! Мы же тебя сейчас съедим! Хватит разговаривать, иди лучше сюда.

С последними словами старуха шагнула к клетке.

– Нет! – в панике Жека бросился от бабки в самый дальний угол клетки, однако, в следующее мгновение застыл на месте.

В тот же момент и Олег, вскочивший было на ноги, готовясь, вступаясь за друга, броситься на бабок-людоедок врукопашную, и Татьяна, тоже попробовавшая подняться с матраса, почувствовали, что и их тела вдруг стали им неподвластны. Как это уже приходилось и ему, и ей, на себе испытать, когда бабка опутывала их своими чёрными колдовскими чарами. С выражением обречённости на лицах они оба тут же рухнули на пол, только-то и сумев, что упасть не на голую каменную поверхность, а на только что покинутый матрас.

– Да, милоч, да, – словно уговаривая Жеку, проговорила, между тем, своим каркающим мерзким голосом старая сволочь, открывая клеть и шагая внутрь. – Пойдём.

С последним словом она взяла бедного парня за руку чуть выше локтя и потащила за собой. Жека пошёл, как послушный телёнок, еле переставляя вслед за старухой ноги и понуро опустив вперёд свою рыжую голову. А у выхода из клетки их уже ждала сгорбившаяся сестрица злобной хозяйки подвала, оскалившись в уродливо-злорадной усмешке.

– Нет! – Олегу хотелось выкрикнуть это как можно громче, да только чёрные чары старухи не дали ему сделать даже этого. Возглас его оказался еле слышен.

И вот уже мерзкая старуха по имени Еге захлопнула за своей и Жекиной спинами дверь клетки. Захлопнула и вместе с сестрицей повела безвольного Жеку к испачканному запёкшейся кровью пню. Не дойдя до него каких-то пару шагов, хозяйка подвала выскочила вперёд и схватила торчавший в его макушке топор.

– Давай, Яда, давай, – голос её дрожал от нетерпения. – Уже страсть как кушать хочется! Я уж месяц мяса не ела!

– Потерпи, сестрица, – громкий шёпот бабки по имени Яда – она вдруг почему-то заговорила шёпотом, – был похож на шипение змеи. – Уже осталось совсем немного.

Между тем с оставшихся в клетке Олега и Тани спали чары отдалившихся и переставших обращать на них внимание ведьм. Олег, всё это время не оставлявший попыток подняться, сразу же оказался на ногах и, ещё неуверенной, шатающейся походкой, подбежал к двери из клетки. За ним, с таким же трудом, туда приковыляла и Татьяна.

– Оставь его, старая сволочь! – закричал вцепившийся мускулистыми руками в железные прутья парень, изо всех сил пытаясь открыть дверь.

– Пожалуйста, не делайте ему ничего плохого! – жалобно взмолилась полным слёз голосом Таня.

– Ты слышишь, Еге? – мерзко ухмыльнулась сторбленная старуха по имени Яда. – Может, и правда ничего не будем ему плохого делать?

В ответ на это хозяйка подземелья, в котором были заточены молодые люди, повернула к последним свою ужасную рожу, на которой застыла отвратительная злобная улыбка.

– Обещаю, мы ничего плохого ему делать не будем! Просто сварим, и всё!

Снова повернувшись к своей кошмарной сестрице, она таким же злорадным голосом добавила:

– Давай, Яда!

Бабка по имени Яда с притворным вздохом наклонила стоявшего рядом с ней и ничуть не сопротивлявшегося Жеку головой к поверхности пня. Ещё мгновение, и его шея прильнула к шершавой изрубленной поверхности пня, и та из них, которую звали Еге, в тот же миг с натужным кряхтением замахнулась на неё тускло блеснувшим в свете факела топором.

– Не-е-ет! – отчаянно, на весь подвал, закричал едва не падавший от шока на пол Олег.

Татьяна же не сказала ни слова. Не сказала, потому что в тот же миг пронзительно и длинно завизжала, взяв себя за обе щёки ладонями и зажмурив от ужаса глаза.

Да только теперь ни одна из бабок-людоедок, увлечённых своим чёрным делом, не обращала на их крики никакого внимания. А смертоносное лезвие окровавленного топора уже несло к незащитной шее распластавшегося на пне Жеки...

На лицо Тани в те мгновения лучше было не смотреть. Казалось, ещё немного, и она сама умрёт при виде стремительно надвигающейся на едва знакомого ей парня жуткой смерти. Как она не падала при этом в обморок, оставалось только удивляться.

Олег при виде неотвратимо обрушивавшейся на его друга гибели готов был грызть решётку зубами. Если бы он только мог хоть как-то Жеке помочь! Да только друга его спасти уже не могло ничего. Ещё секунда, и топор старухи-людоедки с гулким стуком, перемешанным с коротким чавкающим звуком, рассёк Жекину шею. В разные стороны брызнула его горячая кровь. Из разрубленной трахеи раздались ужасные сипящие звуки. Из рта полился тёмный кровавый ручеек. А в когда-то таких жизнерадостных глазах сразу же померк свет, сделав их безжизненными и словно стеклянными.

– Не-е-ет! – продолжал свои неистовые, уже сквозь слёзы, крики Олег. – Же-ека, не-е-ет!

Тем временем бабка по имени Яда взяла Жекину голову за волосы и потянула к себе. Однако, не до конца разрубленная плоть его шеи не пустила её.

– Рубани ещё разок, Еге! – раздался её отвратительный сиплый голос, обращённый к сестре. – Не до конца отрубил.

И старуха Еге, вытащив из древесины пня вонзившийся в неё топор, размахнулась для нового удара. Ещё мгновенье, и страшное лезвие, стремительно пронёсшись над бабкиной головой, с гулким звуком удара рассекло плоть, что ещё удерживала Жекину голову. И теперь ничто не мешало людоедке по имени Яда бросить последнюю в кучу таких же, отсечённых, видимо, ранее, человеческих голов. А Еге уже затаскивала на пень Жекино тело, готовясь, видимо, к тому, чтобы его разделать...

* * *

Жуткое разделывание Жекиного трупа сводило с ума. Бросающее в дрожь мельтешение топора Еге, летящие во все стороны брызги Жекиной крови, вид кроваво-красной разрезанной Жекиной плоти... Зажмурившись, Олег старался не смотреть на то, как старые ведьмы отделили от умершего Жекиного тела куски побольше и поменьше. Но куда было деться от сводящих с ума звуков ударов топора и хруста, с которыми бабки отрубали, отрезали, отрывали от Жекиного тела руки, плечи, шею?!

Почему только руки, плечи, шею? Потому что на этом старухи-людоедки закончили первую часть своего жуткого действия. Едва отрубив последнее из перечисленного, они подвесили оставшуюся часть трупа на свисавший с потолка над окровавленным пнём большой железный крюк и занялись варкой «мяса».

Варить своё жуткое варево они принялись здесь же. «Наклеенный» на стену рисунок с изображением камина вдруг стал, – ни Олег, ни Таня не увидели, каким образом это произошло, – настоящим камином, в котором висел такой же настоящий котёл и уже горел самый натуральный огонь.

Увидев это, Олег и Таня с ужасом переглянулись. Увиденное лишний раз подтверждало, что злобные бабки обладали какими-то сверхъестественными способностями.

Налив в котёл воду и побросав туда приготовленные для этого куски Жекиного тела, старухи ушли из подвала, а жуткое подzemелье вскоре стало наполняться ужасающим запахом варившейся в нём тошнотворной похлёбки людоедок.

* * *

Кошмарное пиршество злобных старух продолжалось два дня и две ночи.

Отрубив от трупа и сварив себе очередную порцию своего жуткого кушанья, они уносили её наверх, после чего оттуда долго слышались их весёлые разговоры и звон посуды, а также, время от времени, их ужасный хохот. Сожрав же сваренное «мясо», бабки вновь спускались в подвал варить себе новую порцию угощения, и всё повторялось снова.

Смотреть на это было не вмоготу. На висевшие в углу на крюке останки трупа Жеки, которых с каждым приходом старух становилось всё меньше и меньше. На то, как они отрубали от них всё новые и новые куски. Как бросали затем их в котёл, варили, а потом, достав из последнего, со смехом уносили наверх, чтобы сожрать...

Бабка Еге, правда, не забывала с той же периодичностью, что и раньше, приносить пленникам корзины с едой. Хотя несчастным несчастным ребятам, что называется, кусок в горло не лез. Особенно мучительно это было для Олега. Ведь погибший и теперь пожираемый у него на глазах парень был его лучшим другом! Вернее, одним из лучших друзей... Да какая разница! От этого боль не становилось ни на каплю меньшей. Жека погиб. Его больше нет. Совсем нет! Даже могилы не осталось... А какой страшной была его смерть! Хотя страшной она была больше для тех, кто наблюдал за ней и за тем, что произошло после неё, со стороны.

Как Олег расскажет об этом Юрке? Родному брату Жеки! Что он сможет ему сказать?! Впрочем, для того, чтобы ему хоть что-нибудь рассказать, надо ещё самому живым остаться.

Что случится навряд ли. После произошедшего с Жекой в это верилось с трудом. А вернее – не верилось совсем...

В тот день бабка Еге спустилась к ним с продуктами немного раньше обычного. Корзина в руках у неё в этот раз почему-то оказалось вдвое больших размеров, чем обычно. С грустью посмотрев на опустевший ещё вчера большой крюк над окровавленным пнём, она вздохнула и повернулась к своим пленникам.

– Вот и всё! – с омерзительной грустью проговорила она. – Съели мы с сестрицей вашего Жеку! Вкусный был, жаль, что так быстро закончился.

– Сволочь! – процедил сквозь зубы Олег, испепеляя старуху взглядом.

– Тебя я съем следующим, – полоснув его сразу же ставшими злыми глазами, пригрозила она. – Сестрёнка моя обещалась через месяц снова ко мне наведаться, тогда мы тебя и съедим. А пока отъедайся! Я посмотрю на тебя. Не станешь жира набирать, я тебя силком кормить буду. Ты у меня как миленький разжиреешь.

С последними словами старуха злобно погрозила Олегу кулаком. Потом, зевнув, продолжила:

– А сейчас я спать пойду. Замаялась я с вашим Жекой. Посплю пару деньков и ночей. Вот вам еды вдвое больше обычного.

Бабка шагнула к решётчатой двери в клетку, чтобы через мгновение её открыть. Олег и Таня мгновенно при этом почувствовали охватившую их тела немощь – старая не забывала напускать на них свои злые чары. Ещё пара мгновений, и большая корзина с продуктами стояла на каменном полу перед пленниками, а бабка поспешила из клетки вон. Вскоре за её спиной захлопнулась и входная дверь подвала. Захлопнулась и... Далее не последовало звуков, с какими обычно старуха всегда, уходя, замыкала дверь на замок. Наверное, и вправду очень устав, она просто забыла это сделать. Олег сразу же это отметил.

– Смотри, Тань! Эта сволочь дверь не замкнула. Я же говорил, какой-нибудь случай сбежать отсюда нам всё равно представится! Ещё бы клетку нашу она забыла запереть...

* * *

– Ну, ну! Не плачь! Мы обязательно с тобой сбежим! – поглаживая прильнувшую к нему на плечо Татьяну по голове, уже который час продолжал утешать разрыдавшуюся девушку Олег. – Только ты не плачь.

– Как же! Сбежим! – сквозь слёзы пробормотала она. – Что с того, что эта тварь дверь в подвал не замкнула! Есть ещё дверь на клетке... Сразу же и ту, и эту она вряд ли когда-нибудь оставит!

Таня всё рыдала и рыдала. Слезы лились из её глаз полноводными ручьями, а её тихому жалобному поскуливанию, казалось, не было конца.

Олег и сам, наверное, был бы рад разрыдаться. Кто знает, может это помогло бы ему избавиться от всё стоявшей перед глазами жуткой картины недавней страшной гибели его лучшего друга. Говорят же, что плачь снимает нервное напряжение. Был бы рад, да только плакать «на заказ» он не умел.

Неожиданно его и Татьяны внимание привлёк скрип медленного открывающейся входной двери. Кто-то снова входил к ним в подвал. Бабка?! Что-то забыла? Хотя, чего бы ей тут забывать? Оба они тут же смолкли, напряжённо прислушиваясь к тому, что же последует дальше. И через несколько мгновений они услышали чьи-то медленные и осторожные, совсем непохоже на бабкины, шаги.

То, что это была не бабка, было понятно. Старая никогда не заходила в подвал со своими пленниками так настороженно. С чего бы ей было так делать! А раз не она, то вполне возможно, что от вошедшего можно было ждать спасения. Едва только об этом подумав, Олег и Таня

молча переглянулись и продолжили «поедать» глазами угол, из-за которого вот-вот должен был появиться этот загадочный «кто-то».

О том, что творилось у каждого из них на душе, нетрудно было догадаться при взгляде на их лица. На них так много было написано! Выражение стольких эмоций, чувств, мыслей, что оставалось только удивляться, как это всё там «уместилось». Но самое главное, на лицах Олега и Тани, наконец, появилось то, чего там не было с того самого момента, как они увидели гибель Жеки. На них появилась надежда. Надежда на то, что они всё-таки спасутся из этого ада.

Прошло всего несколько мгновений томительного ожидания, когда из-за угла показался... Это оказалось так неожиданно, что Олег даже вскрикнул! Кто знает, почему, только этого он ожидал в те мгновения меньше всего. А ещё вернее было бы сказать, не ожидал совсем. Потому что из-за угла вдруг вышел... Юрка! Единственный теперь закадычный друг Олега и... Родной брат погибшего накануне Жеки.

– Олежа! – воскликнул он, едва увидев Олега, и сразу же бросился к нему.

– Тише! Тише! Не кричи! – пожимая ему через решётку руку, поспешил тот предостеречь друга. – Старую сволочь, хозяйку всего этого...

Не найдя слов, чтобы назвать владения бабки Еге, Олег не договорил. А Юрка, не обратив внимания на слова друга о какой-то старой сволочи, обеспокоенный теперь только недавней пропажей брата, продолжал:

– Олег, ты тут Жеку не видел? Мы с ним все эти дни тебя искали, и вчера, когда мы очередной «прочёс» по улицам делали, он тоже потерялся! В последний раз я его с той стороны улицы видел где-то в этих домах.

Проговорив последнее, Юрка «окинул» воображаемым взглядом пространство вокруг подвала и стоящего над ним дома. А Олег... Олег, кусая себе губы, молчал. Как он мог сказать своему другу то, что должен был в те мгновения сказать?! Как?! Как он станет смотреть Юрке в глаза, когда тот узнает, что случилось здесь два дня назад с его братом?! А какими словами объяснит, почему ничего не сделал, чтобы его спасти?! Почему, в конце концов, не погиб сам, когда на его глазах погиб его лучший друг?! Не в силах найти ответ ни на один из этих вопросов, Олег опустил переполненный горем взгляд.

– Что ты молчишь, Олег? – голос Юрки сделался тревожным. – Ты видел Жеку?

В ответ Олег опустил голову ещё ниже.

– Я скажу! – помощь Тани оказалась кстати. – Поверь, ему больно не меньше, чем это станет сейчас тебе.

– Что?! – ужаснувшись мелькнувшей у него в голове догадки, Юрка закричал.

И теперь никто не стал ему говорить, чтобы он вёл себя потише.

– Этот подвал... Эта клетка, в которой мы с Олегом оказались... – Таня не находила слов. – В общем, всем этим владеет старуха, которая жрёт людей. И Женю...

– Что-о?! – перебив её, Юрка вцепился в решётку перед ней обеими руками.

– Прости, – Олег поднял на него взгляд. – Я ничего не мог сделать.

– Что сделать?! Что с моим братом?! Не молчи, Олег, говори со мной!

– Жека погиб...

– Как ... П ... По... гиб?! – голос Юрки начал срываться. – Где... Он?

В ответ Олег молча кивнул в сторону сваленных в самом дальнем углу подвала отрубленных человеческих голов. И Юрка, сразу всё поняв, в тот же миг бросился к ним. Грохнулся на колени, склонился...

Через минуту, встав, он повернулся назад. С одной из тех голов. Самой свежей. Держа её перед собой, смертельно побледневший, – это было видно даже в сумраке подвала, – медленно пошел к клетке Олега и Тани.

Глаза его были полны слёз, которые, быстро их переполнив, покатались по щекам сплошным потоком. Он держал голову Жеки лицом к себе, и в следующий миг, всхлипывая, с ней заговорил.

– Же... ка... – только и смог он поначалу промолвить. – Же... ка...

Смотреть на это было невыносимо. У Олега снова, уже в который раз за последние сутки, на глазах навернулись слёзы. Не говоря уж за Таню, которая в те мгновения по-новой пережила весь случившийся накануне кошмар.

– Жека... – снова, теперь чуть более внятно, проговорил Юрка, после чего тут же переведя взгляд на Олега, потребовал: – Расскажи мне всё!

Голос его неожиданно из жалкого стал очень злым. Хотя в нём и не стало ни на каплю меньше самого тяжёлого, какое только может быть, горя. И тогда Олег, почти не меняя позы, лишь взявшись руками за решётку, стал рассказывать своему другу обо всём, что случилось вначале с ним самим, затем с Татьяной, а потом с Жекой...

* * *

Юрку было не узнать. Его, обычно доброе, лицо стало таким колючим и злым, что на него было страшно даже просто смотреть. Не говоря уж о том, чтобы заговорить с ним или вступить хоть в какой-то иной контакт. Он терпеливо дослушал Олега до самого окончания им своего рассказа. Когда же, напоследок, тот поведал другу о том, что сейчас убившая его брата старуха ушла наверх спать, он бережно пристроил голову брата на окровавленный пень и тут же выдернул из последнего вогнанный в него топор, которым совсем недавно жуткие старухи расчленили труп его брата. Медленно повернувшись к скорбно смотревшим на него Олегу и Тане, в следующее мгновение он так же медленно направился мимо них к выходу из подвала, пробуя на ходу большим пальцем остриё топора.

– Ушла наверх, говоришь? – недобрым голосом спросил он у Олега, едва только поравнявшись с клеткой и на несколько мгновений остановившись.

– Юр, – сразу отозвался тот, – может, подумаем, как мне отсюда выбраться? Я бы пошёл с тобой...

– Сейчас... – ставшие стеклянными глаза Юрки говорили, что друга он не слышал. – Я сейчас...

Повернувшись, тяжёлой походкой он снова двинулся к выходу, устраивая топор в руке поудобнее, явно готовясь им рубить. Вскоре непроницаемая тишина поведала Олегу и Тане о том, что он, выйдя в оставленную им же недавно открытой дверь, неслышно поднялся в покои старухи-людоедки.

– Как ты думаешь, Олежек, – шопот Татьяны был переполнен страхом, – он её убьёт?

– Убьёт, – Олег посмотрел на неё сурово. – Я бы сам её убил, только за ним не успею.

– А я бы не смогла... – шёпот Татьяны стал жалобным.

– У тебя есть подруги, за которых ты пошла бы и в огонь, и в воду?

– Да... Только такая, чтобы и в огонь, и в воду, у меня одна.

– А если бы её тут точно так же, как Жеку, сожрали, тоже б не смогла?

– Не знаю... Наверное, всё-таки смогла б.

Тяжело вздохнув, Татьяна замолчала.

И тут, через оставленную Юркой открытой дверь, до их ушей отчётливо донеслись звуки, судя по всему, схватки брата погибшего Жеки с бабкой! Сначала это были разъярённые, похожие на рёв раненного зверя, вопли. Потом их сменили какие-то, сначала бабкины, а потом и Юркины, злые выкрики. После чего последовали какой-то грохот, звуки ударов, беспорядочный топот.

Это продлилось несколько минут. Пять, может быть семь. После которых всё стихло.

– Они дрались? – глаза Татьяны были полны ужаса.

– Судя по всему, да.

– Хоть бы Юра победил! Хоть бы он победил, – молитвенно, ладонь к ладони, сложив руки перед грудью, забормотала насмерть перепуганная пленница.

И тут из-за входной двери раздались гулкие звуки чьих-то тяжёлых шагов. Кто-то явно спускался по лестнице! Потом вошёл в дверь подвала. Шаги были абсолютно не похожи бабкины, уже так много раз ими слышанные.

– Он победил, – чуть слышно проговорил Олег, повернув ликующее лицо к Тане.

И точно. Через несколько секунд из-за угла шатающейся походкой, держа испачканный теперь свежей кровью топор, с которым он ещё недавно оттуда ушёл, за самый край топорщика, вышел Юрка. Вытерев окровавленной свободной рукой со лба пот, он окинул изможденным взглядом уставившихся на него из клетки Олега и Татьяну.

– Ты ранен? – Олег посмотрел на друга с беспокойством.

– Эта тварь напоследок меня покусала!

– Ты убил её?

– Убить-то убил... – раздосадованно махнул изодранной в кровь рукой Юра. – Да только...

При последних словах он снова махнул всё той же рукой.

– Что? – обеспокоенно посмотрел на друга Олег.

– Эта тварь... – голос Юрика звучал удручённо. – В общем, когда я поднялся, она спала. А когда я ударил её топором, раскроив ей череп почти на две половины, она поднялась и бросилась на меня!

Глаза Юрки говорили о том, в каком шоке пребывал он до сих пор.

– «Ты убил меня! – прохрипела она. – И теперь займёшь моё место!» – продолжал он, немного переведя дыхание. – А потом, с воплями, как бросится на меня! И давай кусаться, как собака! А потом тереться своей кровью по ранам на моей руке.

– А ты?

– А что я? Ещё несколько раз её рубанул... Она же словно и не почувствовала тех ударов. Когда же укусила меня несколько раз да кровью своей раны извозила, остановилась, посмотрела на меня и говорит: «Ну всё! Теперь ты будешь вместо меня!» И рухнула на пол.

– Ничего себе, – только и смог проговорить Олег.

– Вот тебе и «ничего себе»!

– Странно, – задумавшись, вполголоса продолжал Олег, – что она на тебя набросилась. Она могла тебя обездвигить, даже не прикоснувшись. А уж потом...

– Не знаю, что она там могла, – перебил его Юрка. – Меня, видишь, просто покусала.

– Наверное, она из-за раскроенного черепа забыла, – попробовала вставить до этого молча слушавшая их разговор Татьяна.

И это оказалось кстати. Оба друга сразу перевели на неё взгляды, в которых читалось согласие с её словами.

– Точно, – согласился Олег.

Юрка же ничего не сказал. И тогда его друг продолжил их беседу, так, будто она и не прерывалась:

– А ты чувствуешь что-нибудь?

– Что?

– Ну, чувствуешь что-нибудь в себе от бабки?

– А, вон ты о чём! – усмехнулся Юрка. – Так, ничего. Только...

– Что «только»?

– Не знаю, как сказать... Там наверху лежит кое-то из Жекиных останков... Я едва посмотрел на них, как мне сразу захотелось их съесть!

– Да ты что?!

– Это ещё не всё. На тебя я тоже с каждым мгновением смотрю всё больше и больше по-другому!

– Чего? – Олег посмотрел на друга ошарашенно.

– Ты бы валил отсюда, пока я ещё в состоянии в себе это контролировать, – мрачно проговорил Юрка, поднимаясь и подходя к клетке с другом. – Говорю же, эта зараза во мне, я чувствую, становится всё сильнее и сильнее!

Юрка резко распахнул решетчатую дверь, несмотря на то, что открыть её ни у кого, кроме старухи-людоедки, до этого не получалось.

– Видишь? Сила бабки ко мне уже перешла. Если и не полностью, то уже почти. Калитку-то я твою открыл запросто. Давай, беги отсюда, пока чего не случилось.

Проговорив последнее, он посторонился от двери удерживавшей пленников клетки.

– А ты? – в ужасе промолвил ему Олег.

– А что я? Мне теперь, судя по всему, крышка! Ведь если я ничего с собой не сделаю, скоро начну жрать человечинку...

Помолчав несколько секунд, Юрка продолжил:

– Жрать людей я точно не буду. В то же время убить себя у меня вряд ли получится. Старуха ведь после моих ударов не подыхала! Хотя каждый из них, особенно первый, медведя бы уложил.

– Убить себя?! – Олег был снова шокирован. – Что ты такое говоришь?!

Ничего не отвечая другу, Юрка посмотрел на него с мрачной улыбкой. Потом перевёл взгляд на Таню и ещё больше отступил в сторону, пропуская их к выходу из подвала. И та тут же рванулась туда.

– Я не оставлю тебя! – вырвалось у Олега, да только Юрка его осадил:

– Иди, тебе говорю! Мне, в конце-концов, здесь ничего не грозит. Тебе же, если останешься...

Крыть было нечем, и, постояв возле друга ещё несколько мгновений, посмотрев на него так, как смотрят, прощаясь навсегда, Олег медленно побрёл к ведущей наверх двери, где его уже ждала Татьяна. Глаза застилала слёзы, равно как и у Юрика, который ещё твёрже знал, что увидеться им было не суждено уже никогда.

* * *

По улице вечернего города медленно брели под руку парень и девушка. Весна уже полностью подготовилась к тому, чтобы передать «бразды правления» ещё только зарождавшемуся, но уже такому настырному лету, отчего на улице стояла отличная тёплая и сухая погода. И последнее так располагала молодёжь вот так под звёздами гулять!

Они шли, не говоря друг другу ни слова, лишь изредка переглядываясь и каждый раз с жадностью ловя взгляды друг друга. Как будто они были немые и только и могли общаться такими взглядами. Однако, немые они вовсе не были. Просто и без слов каждый из них отлично зная, что творилось в голове у спутника. Там просто не могло твориться ничего другого, кроме того, о чём уже который день, точнее даже было бы сказать неделю, думал и Олег, и Таня, во взглядах которых улыбка если и была, то она была прикрыта такой плотной завесой неизгладимой печали, что рассмотреть её было почти невозможно.

Они так и остались в неведении относительно того, что стало с Юркой дальше. Для всех он, как днём раньше и его брат, так и остался без вести пропавшим. Рассказам Олега и Тани про бабу-людоедку, конечно же, никто вокруг не поверил. Даже родители братьев-близнецов. Сам же Олег, наведавшись позднее пару раз в дом старой людоедки, – он оказался заперт, ему даже пришлось залезть в него через окно, выдавив стекло, – ни Юрика, ни каких бы то ни

было следов пребывания там его или до него бабки, там не нашёл. Ни труп последней, убитой тогда братом Жеки, ни окровавленного пня с кучей отрубленных голов, ни даже той железной клетки в подвале... Всё напрочь исчезло, как будто вовсе ничего и не было. Даже крови на полу или хоть каких-то следов от клетки или крюка над пнём. Как будто не было и того, что произошло недавно в том жутком подвале...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.